

*Д. М. Султанов, Л. В. Богатырёва**

**«ВОЙНА И МИРОТВОРЧЕСТВО
В СТРАНАХ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ:
ФИЛОСОФСКО-БОГОСЛОВСКИЕ КОНЦЕПЦИИ
И ЛИЧНЫЙ НРАВСТВЕННЫЙ ОПЫТ» —
КРУГЛЫЙ СТОЛ В РУССКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ АКАДЕМИИ****

Sultanov D. M., Bogatyreva L. V.

*«War and peacemaking in the countries of Orthodox culture:
philosophical and theological concepts and personal moral experience» — round table
at the Russian Christian Humanitarian Academy*

8 октября 2021 г. состоялся круглый стол «Война и миротворчество в странах православной культуры: философско-богословские концепции и личный нравственный опыт», проведенный Русской христианской гуманитарной академией (Санкт-Петербург) в сотрудничестве с Уральским федеральным университетом (Екатеринбург).

С приветственным словом работу круглого стола открыл проректор по научной работе РХГА, доктор философских наук, профессор Д. В. Масленников. Контекстуализируя вопрос о праве на войну и миру, Д. В. Масленников отметил, что в целом право представляет собой воплощенную

* Султанов Данис Марсович, аспирант Департамента философии, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Богатырёва Людмила Викторовна, кандидат философских наук, доцент, Русская христианская гуманитарная академия; bourlaka@mail.ru

** Исследование проведено при поддержке РФФ, проект № 20-18-00240 «Этика войны в странах православной культуры: осмысление индивидуального опыта и реконструкция нормативной модели поведения».

Исследование проведено при поддержке РФФИ, проект № 21-011-44055 «Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна».

рациональность, чем продемонстрировал непосредственную принадлежность затрагиваемых тем к разряду философских и теологических проблем. Обсуждение вопросов, вынесенных в название круглого стола, началось с выступления П. Боянича, PhD, профессора университета Белграда. Доклад профессора П. Боянича — участника исследовательского проекта «Этика войны в странах православной культуры: осмысление индивидуального опыта и реконструкция нормативной модели поведения» — был посвящен православной концепции победы над врагом в военном столкновении. Сама постановка вопроса о том, что значит победить, проблематична, поскольку, актуальный на данный момент способ мышления о войне в виде вопросов о том, при каких условиях стоит вступать войну, какими средствами ее вести и как удержать мир после войны, регионально специфичен. В западноевропейской мысли война — крайний способ восстановления status quo, последнее средство удержать амбиции зарвавшегося политического субъекта в его действительных пределах, ее цель — наказание.

Цель войны в православной традиции, как подчеркивает профессор Боянич — прекращение насилия как такового. Для этого необходимо устранить всякое поражение проигравшего в правах, что неизбежно мыслится в западноевропейской традиции. Поэтому победителю предстоит пройти через покаяние, дабы возвысить этим проигравшего, а сама победа мыслится как принадлежащая Богу. Миротворчество в православной мысли, таким образом, понимается не как миссия восстановления гражданского или политического порядка — это восстановление порядка онтологического.

Представление в докладе двух традиций понимания этики войны содержательно открыло обсуждение общих философских посылок всякой возможной морально-этической оценки войны. Обсуждению была посвящена первая дискуссия круглого стола «Восстанавливая попорченную справедливость: Какие злодеяния требуют воздаяния с применением коллективного насилия?». Центральный вопрос дискуссии о самой возможности дать нейтральную морально-этическую оценку происходящему на войне был со всей четкостью поставлен в сообщении профессора РГПУ им. А. И. Герцена, доктора философских наук А. А. Грякалова. Позиция нейтрального наблюдателя, необходимая для оценки справедливости мер воздействия в ходе военного конфликта, как кажется, недостижима, поскольку всякая вовлеченность в конфликт по определению субъективна. Более того, субъективность конструируется как необходимое условие всякого ответного действия в ходе войны. Поскольку субъективность нетерпима к противоречиям, действительная нейтральная позиция является позицией надпротиворечивой, позицией Абсолюта, т. к. в принятии противоречия и находится действительная возможность понимания и оценки.

Заведующая кафедрой теории государства и права и политологии Юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор Е. А. Фролова подчеркнула значение института права в практике осуществления реального миротворчества и позитивного разрешения социальных конфликтов, что определяется его рациональной природой. Рациональный элемент в нормах

права составляет основную их характеристику. Поскольку право состоит из норм, оно есть нечто рациональное: подобно понятиям, оно создается разумом, без которого нормы не могут быть ни созданы, ни сформулированы. Нормы права, как результат сознательной деятельности людей, также, как и понятия, выражают нормальное (типичное) сознание и поведение лиц. В этом заключается, по мысли Кистяковского, рациональность права. Вместе с тем право — важнейший социальный регулятор — включает в себя не только правовые нормы, но является фактом социальной жизни. Правовые отношения реализуются через субъективные права и юридические обязанности, которые всегда — конкретны, единичны и индивидуальны. Такой же характер носят и правовые отношения. В этой индивидуализации процесса правореализации проявляется и определенный иррационализм права, на что указывал, в частности П. И. Новгородцев.

Старший преподаватель РХГА о. Димитрий (Сизоненко) в своем сообщении существенно развил сказанное профессором П. Бояничем о православной этике войны, отметив, что единственной подлинной победой с точки зрения верующего может считаться только победа Христа над смертью, посредством которой установилось новое состояние мироздания. Как следствие, военный этос невозможен, поскольку невозможно никакое оправдание причинения смерти. В этом отношении о. Димитрий также выразил определенную бескомпромиссность в оценке войны в православной интеллектуальной традиции. Несмотря на то что человека нельзя сущностно определять как разумное существо, ведь он носит в себе иррациональное и религиозный опыт можно было бы назвать также иррациональным, безумие войны абсолютно бессмысленно.

Продолжая ряд смысловых переключек между сообщением о. Димитрия и П. Бояничя, стоит обратить внимание на поднятую профессором Бояничем проблему соотношения индивидуального субъекта как личности и коллективной субъективности, подлежащей в случае войны мобилизации и ради спасения которой возможно прибегнуть к моральному оправданию насилия. Гражданско-правовой дискурс о войне как допустимом способе решения проблем предполагает «делегирование» индивидуальной субъектности, тогда как в случае с православной интеллектуальной традицией всякое вовлечение в насильственные действия деструктивно для индивидуального субъекта.

От общетеоретической возможности участники в ходе своих сообщений перешли к представлению отдельных концепций, дающих право на моральную оценку действий в ходе войны. Своим сообщением зам. директора по научной работе ИФ НАН Беларуси кандидат философских наук, доцент, А. Ю. Дудчик представил пример «живучести» в культуре концепций, религиозных по происхождению, и их актуализации в чрезвычайной исторической ситуации. Так, религиозный принцип талиона, требующий за нарушение возмещать исключительно мерой причиненного ущерба, находит свое буквальное воплощение в кодексе белорусского партизана времен Великой Отечественной войны. Выходящие за пределы права действия германской армии на Восточном фронте для партизан исключали всякое гражданское толкование и соответствующее ей гражданскую (светскую) меру возмещения. Соответственно, актуализация

в данной чрезвычайной ситуации концепций и этических принципов не светского характера более чем объяснима.

Кандидат философских наук, доцент УрФУ им. Б. Н. Ельцина А. С. Меньшиков в своем сообщении представил интересный случай, касающийся участия клерикальных структур в поддержке военного имиджа государства, когда светская власть оказывается к этому неспособной. Речь идет о первых годах постсоветской России, переживавшей либеральные реформы, и Русской православной церкви, взявшей на себя роль поддержания престижа вооруженных сил еще недавно атеистического государства. Следование христианской этике непричинения насилия в ситуации возможной потери статуса ядерной державы — основы международного мира как силового паритета сторон — приводит к однозначно секулярной деятельности церкви. Так, опыт религиозно организованной социальной жизни помимо собственно метафизических позиций становится актуальным и в сугубо практическом смысле как новая оценка места и роли религиозных институтов в важнейших сферах жизни общества.

В качестве ремарки А. А. Грякалов отметил, что разговор о моральной стороне военного действия в целом проблематичен не только для христианской, но и для этики в принципе. Участие мобилизованного солдата в войне не есть следствие личного выбора, и любая этика, основанная на персональной ответственности за всякий поступок, встречает в этой ситуации сильные затруднения. Ценное содержательное замечание было озвучено участником круглого стола заместителем заведующего кафедрой зарубежной филологии и лингводидактики РХГА, кандидатом философских наук, кандидатом филологических наук, доцентом Стефано Мария Капилупи. Христианская этика не может оправдать злодеяние войны никоим образом. Писание, однако, может казаться в этом вопросе самопротиворечивым, поскольку заповедь Христа о непротавлении злу насилием соседствует с его пророчеством принести земле не мир, но меч. Тем не менее это, равно как и другие противоречия христианского учения, нужно понимать как выражение некоего всемирного структурного принципа: целостность и гармония даются только в напряжении. Снятие противоречий одно через другое — существенный момент идеи гармонического устройства мироздания.

Аспирант УрФУ им. Б. Н. Ельцина Д. М. Султанов обратился к интерпретации техники как социального феномена, делающего возможным оправдание убийства на войне. Рассматривая феномен техники на примере Первой мировой войны, Д. М. Султанов показал, что оперативный характер техники держится на исключаящем Другого действии, что в предельном случае выражается в физическом уничтожении Другого.

Вторая дискуссия круглого стола «Обращение к Богу на войне: от пропаганды до личного опыта» открылась сообщением профессора УрФУ им. Б. Н. Ельцина, доктора философских наук Е. С. Черепановой. В нем в качестве свидетельств опыта переживания войны автор рассматривала личную корреспонденцию солдат Великой Отечественной войны. Страх смерти как переживание способствует принятию индивидом смысла жизни. Но как быть в случае, когда предстоящая смерть не может считаться собственной — это

смерть «вынужденная», поскольку такова война? Как принимать смерть? Е. С. Черепанова указала на следующую особенность коммуникативной ситуации: адресат этих писем изначально недостижим, письма людей с войны в первые месяцы написаны с непреодолимой коммуникативной дистанции — их авторы не надеются быть услышанными при жизни, но сохраняют надежду быть услышанными в будущем. И это — своеобразная «забота о смерти», некоторое подконтрольное индивиду пространство, едва ли не единственное в ситуации обыденности убийства.

А. С. Луньков, заведующий кафедрой философии ИФиП УрО РАН, кандидат исторических наук, представил интересную проблему соотношения религиозной и политической общности на примере публичного дискурса, сопровождавшего освещение событий Второй балканской войны 1913 г. Всякое публичное освещение военных конфликтов в Российской Империи было связано с концепцией «христолюбивого воинства», ключевыми составляющими которой были служение православному государю, опора на историческую память и нетерпимость по отношению к врагам истинной веры. В случае с названным конфликтом единство этих составляющих нарушалось: актуальным способом описания событий междоусобной войны братьев по вере оказалась оптика имперских амбиций. В этом отношении показательно, что религиозность, как нечто преимущественно персональное, перестает служить основой ассоциации индивида с политическим сообществом.

Обсуждение различных аспектов персонального переживания войны продолжила ассистент УрФУ им. Б. Н. Ельцина А. М. Давлетшина, в своем выступлении отразившая опыт беженцев времен Великой Отечественной войны и то, каким образом происходит трансформация ценностных ориентаций беженцев в ситуации войны. Сам опыт переживания событий войны характеризуется ощущением «неопределенности» у беженцев — они исключены из однозначной ассоциации с какой-либо из конфликтующих сторон, в результате чего переживаемые личные тяготы не находят своего оправдания.

Младший научный сотрудник УрФУ им. Б. Н. Ельцина Г. А. Ведерников представил в своем сообщении опыт участников локальных войн периода глобального противостояния СССР и США. Прежде всего докладчик подчеркнул, что в силу характера, отличающего эти войны от тотальных войн XX в. и конвенциональных войн предыдущих эпох, участники зачастую переживали диссонанс: по воспоминаниям ветеранов Вьетнама и Афганистана объяснить необходимость защиты интересов собственной страны от некоего врага агрессивными действиями на его домашней территории было довольно затруднительно. Кроме того, противник в локальных войнах зачастую редко отличим от мирного населения, что делает проблематичным само различие между комбатантами и гражданскими и вытекающее из этого различие кодекса поведения. Вместе с тем само переживание смертельной опасности по возвращении солдат на родину помогало укреплению связи внутри семей между старшим поколением ветеранов мировых войн и молодыми ветеранами войн локальных.

В целом работа круглого стола показала серьезность поднимаемых вопросов — о праве на войну и мир, о месте индивидуального субъекта для

коллективной субъективности, мобилизуемой для участия в войне — в контексте предпринимаемых в отечественной интеллектуальной среде усилий установить культурную и историческую идентичность, актуальную для современного российского общества. Обсуждение концепта «страна православной культуры» как содержательного эквивалента формального «страна постсоветского пространства» сквозным образом соединяло тематически различные сообщения докладчиков. Активный обмен мнениями и позициями продемонстрировал, что философия до сих пор продолжает служить способом предельного вопрошания, актуального для множества аспектов практической жизни человека и что ресурс ее все еще достаточен для серьезного ответа на возникающие вопросы.